

Воскрешенная музыка

ПО КОНЦЕРТНЫМ ЗАЛАМ

«Поиски музыкального языка, созвучного эпохе социализма, — не легкая, но благородная задача для композитора. Музыка в нашей стране стала достоянием масс. Их художественный вкус, их требования, предъявляемые искусству, растут с быстротой поистине необычайной. И необходимую «поправку» на этот рост советский композитор должен предусматривать в каждой новой своей работе. В этом есть своеобразное сходство со стрельбой по движущимся мишеням: только взяв прицел вперед, в завтрашний день, вы не останетесь позади, на уровне вчерашних требований».

ЭТИ ПОЛНЫЕ глубокого смысла слова классика советской музыки Сергея Прокофьева вспомнились мне, когда я впервые услышал его «Оду на окончание войны» в недавнем концерте фестиваля музыкальных коллективов Всесоюзного радио и телевидения, закончившегося вчера в Большом концертном зале «Октябрьский». Программа фестиваля была чрезвычайно разнообразна: в нее наряду с известными произведениями симфонического репертуара включен был и ряд интереснейших премьер. Среди них прокофьевская «Ода» оказалась подлинным открытием. Композитор написал ее летом 1945

года — в те незабываемые дни, когда страна праздновала победу над фашистской Германией. Прокофьев был в ту пору тяжело болен, врачи запрещали ему работать, и он сочинил это произведение «тайком» от них.

«Ода» Прокофьева — по существу первое значительное музыкальное полотно, посвященное всемирно-исторической победе над фашизмом. Но, впервые исполненная в ноябре 1945 года, она, к сожалению, надолго выпала из поля зрения наших дирижеров. Честь и хвала Г. Рождественскому, сумевшему вернуть к жизни этот подлинный шедевр советской музыки.

Сочинение во многом необычное — «Ода» написана для 8 арф, 4 фортепиано, оркестра духовых и ударных инструментов и контрабасов. Такой состав (теперь мы можем судить об этом со всей ясностью) был не самоцелью, не формальным поиском новизны. Он говорил о желании композитора создать музыкальный монумент исторической победе советского народа, создать сочинение не будничное, не примелькавшееся не только по музыкальным образам, но и по средствам воплощения. Действительно, звучание оркестра, лишнего (за исключением контрабасов) струнной группы, очень своеобразно. Оно создает ощущение масштабности. Очень впечатляют громовые раскаты солирующих литавр и роялей в нижнем регистре. А сколько истинного великолепия в самих темах «Оды»: в ее сурово-торжественном, величественном вступлении; в нервно-импульсивной, активной теме среднего раздела; в ликующей юношески-светлой радости финала, вырастающего в мощный гимн — музыкальный символ победившего народа, победившего света, победившей молодости мира! Как отраднo, что этот незаслуженно забытый шедевр классика советской музыки вновь стал в ряд с другими его произведениями, живыми и молодыми сегодня так же, как и в годы их создания!

О программах симфонических

концертов фестиваля следует сказать особо: они отражают художественное кредо не только Рождественского-дирижера, руководителя Всесоюзного радио и телевидения, но и Рождественского — страстного пропагандиста музыкальной культуры. Он умно сочетает в своих программах произведения, бытующие в репертуаре симфонических концертов, с новинками; при этом Г. Рождественский не отдает дань моде, а умеет в огромной массе современной музыки (или музыки незаслуженно забытой) найти ценности подлинные. Разве не к таким ценностям следует отнести Те-деум Брукнера, или Светскую кантату Бартока, или Шорос № 10 Вилла-Лобоса? Эти сочинения во многих отношениях не сопоставимы. Но все они — явления искусства в самом возвышенном, самом благородном значении этого слова. Все три произведения, кстати сказать, прозвучали в Ленинграде впервые и были встречены слушателями восторженно. Надо надеяться, что и они станут ныне репертуарными, несмотря на огромные трудности, которые ставят перед исполнителями. Вот почему мы особенно благодарны участвовавшим в концертах Большому симфоническому оркестру и Большому хору (художественный руководитель хора — К. Птица) Всесоюзного радио и телевидения. Их работа заслуживает самой высокой оценки. Это творчески сме-

лые коллективы, не боящиеся непроторенных путей, берущиеся за решение самых сложных исполнительских задач. К одной из них можно отнести и акустическое «освоение» нового Концертного зала.

Увы, неровное впечатление осталось от солистов. Наряду с большой радостью, которую доставило слушателям искусство Л. Белообрагиной (великолепное по тембру и владению голосом сопрано), откровенно огорчило исполнение тенора Ю. Ельникова. Вероятно, певец ставит перед собой задачи, не соответствующие природе его голоса, что заставляет его форсировать звук, особенно в верхнем регистре. Думается, что вокалист еще не готов участвовать в таких сложных программах.

В концертах фестиваля были не только премьеры. Тем более отраднo, что и произведения, хорошо знакомые слушателям, прозвучали по-новому. Своеобразная, интересная трактовка Г. Рождественским Фантастической симфонии Берлиоза, Шестой (Патетической) Чайковского, Седьмой (Ленинградской) Шостаковича, бесспорно, ставит его в ряд крупнейших музыкантов нашей страны. Горячий прием, оказанный ему многотысячной аудиторией «Октябрьского», — лучшее тому подтверждение.

Е. МЕИЛИХ